

Становление гражданского общества и партийно-политической системы: опыт Индии¹

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Сектор политического и культурологического анализа, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23. E-mail: andreivolodine@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. (2018) Становление гражданского общества и партийно-политической системы: опыт Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 137–151. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-137-151

АННОТАЦИЯ. В статье на примере «крупнейшей демократии мира» рассматриваются взаимоотношения гражданского общества и партийно-политической системы. Относительная зрелость последней в современной Индии проистекает из длительного функционирования системы «метрополия – колония», двойственной роли «целерационального» британского колониализма в эволюции Индии, наличия в социальной структуре зависимого общества сил, способных к усвоению и материализации индустриальной культуры и политической демократии. Сложно-составной характер индийского общества в конечном счете также повлиял на выбор руководителями движения за суверенитет системы политического представительства как оптимальной модели управления государством. Гражданское общество и партийно-политическая система Индии анализируются на основе «эталонных» ориентиров развития – социумов Западной Европы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданское общество, партийно-политическая система, Западная Европа, Индия, поляризованный тип развития, системная связь «метрополия – колония», британский колониализм, ИНК, БДП, избирательная система относительного большинства, политическая социализация, геополитика и внешнеэкономические связи Индии

Внешнеэкономическая деятельность СССР опиралась на ясные представления о ресурсном потенциале страны-партнера, об особенностях географического размещения производительных сил, о подвижности социально-политических процессов в данном обществе. Системный подход оправдывал себя, особенно в отношениях со странами-гигантами, в частности с Индией. После распада СССР, «тектонически» повлиявшего на Индию, в наших отношениях с этой страной произошли перемены, возникли «шероховатости»

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00097 «Оптимизация российских внешних инвестиционных связей в условиях ухудшения отношений с ЕС») в ИМЭМО РАН.

(«wrinkles», как удачно трансформировал русскую дефиницию индийский аналитик Винай Шукла), сказывающиеся на внешнеэкономической деятельности и – в последние 10–12 лет – на военно-техническом сотрудничестве.

Понятно, что «шероховатости» возникли не вдруг; они стали следствием меняющейся расстановки социально-политических сил в Индии. Именно поэтому стоит обратить внимание российского читателя на динамику некоторых общественных процессов, которые могут иметь следствием *новую* конфигурацию партийно-политических сил на всеобщих выборах 2019 г.

В общественном сознании и Запада, и Востока довольно давно укоренилось представление о политических партиях (и образуемых их взаимодействием партийно-политических системах) как о «магистралях», связующих организации гражданского общества и институты государственного управления. В ходе сложного двустороннего движения (именовавшегося в былые времена *прямыми и обратными связями*) гражданское общество реализует интересы входящих в данное формирование сил, обогащает правящие инстанции новыми идеями и концепциями, продлевает мандат на нахождение у власти той или иной элитной группы (либо лишает ее этой привилегии) и т.д. [Sridharan 2012, pp. 6–7].

Гражданское общество как среда политической деятельности

Не стоит забывать: гражданское общество – это живой, постоянно пульсирующий организм, внутри которого не прекращается «кровоток» идей обновления общественного устройства, выдвижения на авансцену новых лиц, способных профессионально реали-

зовывать назревшие преобразования, помещать последние в контекст мирового развития. Это творческое брожение в конечном счете предопределено тем обстоятельством, что *гражданское общество* представляет собой «автономное и саморегулируемое социальное пространство общественных отношений; в его рамках четко “проявлены” экономические, социальные и иные многообразные интересы. (...) Гражданское общество – это пространство, где социально-экономические мотивации, индивидуализируя и эмансипируя личность, вытеснили либо вытесняют модели поведения, опосредуемые доиндустриальными формами социальных и институциональных связей. Следовательно, пространство гражданского общества представляет собой естественную социальную инфраструктуру политики и политических отношений. (...) Институциональный срез гражданского общества – это социальные движения, политические партии, профсоюзы и структуры, которые в современном обществе обеспечивают самовыражение личности, коллектива и массовидных общностей» [Володин 2008, с. 35–36]. История распорядилась так, что степень *зрелости* гражданского общества и его институтов на Западе и Востоке остается различной.

Сказанное отнюдь не означает, что гражданское общество как *общественный институт* не существует в *незападных* социумах. Ведь если одной из сущностных, «суверенных» характеристик гражданского общества является, как в свое время отметил Ю.А. Красин, наличие «*энергии общественной самодеятельности, самоорганизации и саморазвития*» (курсив в тексте. – А.В.) [Красин 2010, с. 190], то для современной Индии подобной энергетикой, помимо социально-классовых отношений, обладают община, каста (точнее, кастовая система), индивидуальный

опыт больших и малых национально-этнических групп, подвергающиеся интенсивному влиянию процессов модернизации (в экономической, политической и культурной ипостасях). До и раннеиндустриальные особенности индийского социума находятся в отношениях *взаимной дополнительности* с современными, «гражданскими» началами общественной жизни, образуя широкий спектр политических программ и идеологий, технологий управления поведением избирателей, инструментов использования исторической памяти в целях массовой электро-альной мобилизации.

Сложносоставной, *композитный* характер современного индийского общества отражается в многообразии частных жизненных интересов, которые впоследствии – с помощью партийно-политической системы – транслируются в публичную сферу политических отношений. Постоянное воспроизводство демократии (и партийно-политической системы как одного из ее осевых элементов) предполагает наличие соответствующих устоев, культуры, образа жизни граждан. В этом своем качестве демократия «проникает во все поры социума, становится “питательной средой” и основой всеобщей гражданственности, которая, в свою очередь, влияет на сознание и поведение людей, на институты власти и ее персональных носителей» [Красин 2010, с. 192].

Привлекательность гражданского общества, института и его исторического «предначертания», в конечном счете определяется сопряжением (реальным либо желаемым) демократии и благосостояния, автономии индивида и средств ее осуществления. Как показывает опыт Запада, конкретными проявлениями подобного сопряжения стали конституции, партийно-политические системы *сореvновательного* типа, рыночные начала человеческой жизнедеятельности, пра-

во собственности и т.п. Главный принцип функционирования гражданского общества состоит в том, что взаимодействие между его единицами осуществляется на *горизонтальной* основе, на основе *координации* интересов, практик, воли составляющих данное образование членов [Kaviraj, Khilani 2001, p. 24].

На Западе гражданское общество, его институты и практики формировались довольно долго, с конца XIII до начала XIX в. (завершение этого процесса может быть датировано либо разгаром первой промышленной революции, либо наполеоновскими войнами). Конституирование новоевропейского человека, накопление знаний о природе и социуме, индустриализация – эти и другие обстоятельства резко ускорили сложение основ гражданского общества, в конечном счете предопределили труднопреодолимый лаг между Западом и Востоком, обрекли последний на догоняющий тип развития. Иначе говоря, гражданское общество и его институты в незападной части ойкумены первоначально развивались как часть политэкономической системы отношений «*метрополия – колония*». Индия была ее наиболее «продвинутым» элементом.

Среди нынешних переходных обществ, переживающих становление гражданских отношений, Индия чувствительно выделяется зрелостью современных классообразовательных процессов, относительной развитостью берущих истоки в колониальном прошлом политико-институциональных структур и рационалистических правовых представлений. Индийское общество как *социологическая* категория, по мнению авторитетного отечественного востоковеда А.А. Прусаускаса, «начало формироваться лишь после колониального завоевания, и этот процесс сопровождался как сближением различных социальных

(в том числе этносоциальных) сегментов, так и обострением противоречий между ними» [Празаускас 1990, с. 47].

Впрочем, относительно продолжительное развитие капитализма в рамках системной связи «метрополия – колония» было отнюдь не единственным источником формирования основ гражданского общества в независимой Индии. Скорее прагматический британский колониализм, действуя в собственных интересах, стимулировал развитие социально-структурных элементов и мировоззренческих предпосылок, которые «в Западной Европе вызвали к жизни рациональный способ хозяйствования и впоследствии сформировали индустриальный тип общества и целерационально мыслящую и действующую модель личности» [Володин 2008, с. 135].

Одна из особенностей современного мира – *поливариантность* гражданского общества, определяемая своеобычием социально-исторического опыта стран Запада и Востока. Соответственно, и демократия, как уже признано западной политической мыслью, может быть как либеральной, так и «нелиберальной» [Zakaria 2003], тогда как партийно-политические системы могут быть, если следовать подобной логике, «классическими» («правильными») и «неклассическими» (т.е. деформированными *инверсионной*² моделью исторического развития *незападных* обществ). Современная Индия, уже давно именуемая в науке и публицистике «крупнейшей демократией мира», небезосновательно рассматривается как «эталонный» пример «неклассической»/«нелиберальной» демократии.

Модель *поляризованного* развития, внутри которой функционирует ин-

дийское гражданское общество, постепенно (видимо, более интенсивно, чем в классических западных условиях) высвобождает человека из-под гнетащего влияния конфессиональных и кастовых противоречий. Дорога к современной представительной демократии пролегает и через преодоление *диспаритетов* социально-экономического и регионального развития штатов и территорий многонациональной/полиэтнической страны [Володин 2018, с. 97–109]. Развитие гражданского общества в Индии, таким образом, можно охарактеризовать как процесс формирования *суверенной личности*, преодолевающий институциональные и социокультурные препятствия, оставшиеся в наследство от предшествовавших независимости исторических эпох. Сравнительно близко к пониманию структуры экономики и впоследствии поляризованного гражданского общества подходит родоначальник научной глобалистики Фернан Бродель: «С XVI в. Индия располагала довольно оживленной денежной экономикой, которая постоянно будет двигаться по пути определенного рода капитализма; он, однако, не охватит *все общество целиком*» (курсив мой. – А.В.) [Бродель 1988, с. 112]. Если для Западной Европы начала XVIII в. уже обозначился *индивидуалистический* тип общественного сознания, то для Индии формирование новых, суверенных конструктов ментальности оставалось делом исторической перспективы.

Многие новые элементы в развитие гражданских отношений на Индостане привнес колониальный период (1757–1947). Включение этой обширной территории в систему мирового рынка потребовало от метрополии, в частности,

2 Под инверсионной моделью исторического процесса автор данной статьи понимает опережающее развитие, институционализацию партийно-политической деятельности по отношению к темпам эволюции социально-экономической структуры общества, проявляющей себя в динамике классовых, групповых и межличностных отношений.

создания политико-правовых и духовно-интеллектуальных оснований, способных облегчить восприятие Индией наиболее передовых/эффективных для той эпохи форм экономической и финансовой деятельности.

Направляемая сверху модернизация преследовала цель создания современного буржуазного государства, оснащенного основными институтами и функциями, потребными для участия Индии в разделении труда на мировом рынке. Интегрируя Индию в мировое экономическое пространство, колониальное государство попутно формировало среду, потенциально способную воспринимать организационные принципы и профессиональные модели поведения, характерные для индустриально-капиталистического образа жизни.

С колониализмом в Индии появляется западный (рационалистический) тип бюрократии как исторический вид *организации власти*. Он определенным образом подвел итог развитию самой метрополии, уже активно пользовавшейся такими институтами относительно зрелого индустриального общества, как государство, политика и, наконец, сама бюрократия. Если в Западной Европе развитие гражданских отношений имело *эволюционный* характер, то в Индии, *принудительно* включенной в общемировую систему общения, политический процесс и политическая социализация (в том числе массовых слоев населения) явно опережали сдвиги в социально-экономической базе. Иначе говоря, динамика политических отношений подталкивала развитие отношений гражданских. Однако потребовалось время, чтобы наиболее сознательные силы Индостана начали рассматривать себя как целостность с некими общими интересами, отличными от целей британской имперской политики в Индии. (Сами же

идеологи и творцы Британского Раджа рассматривали подконтрольное им население не столько как народ или нацию, сколько как некое географическое пространство с несметным количеством рас, племен и каст.)

Лидеры Индии отчетливо понимали: национальное сознание есть результат длительного просвещения народа, его культурной социализации, вовлечения в ненасильственные общеиндийские политические акции. Подобные действия невозможны без дееспособной организации, т.е. общенационального движения. Созданный в 1885 г. Индийский национальный конгресс (ИНК) заложил основу современного (соревновательного) политического процесса в виде политических партий, общеиндийской элиты, интеграционных тенденций в политической культуре и политическом сознании. Процессы политической социализации, в свою очередь, ускоряли формирование гражданских отношений. Впрочем, в различных субрегионах Индостана эти процессы имели свои особенности, что сказывалось и на их *интенсивности*.

К началу XX в. ход установления основ гражданского общества приобрел поступательный характер; при этом зрелости гражданских отношений Индия, безусловно, уступала таким европейским государствам, как Италия (для которой был свойственен поляризованный характер общества и развития), не говоря уже о Нидерландах, Франции, Германии. Институциональные реформы 1860–1880-х гг. повысили роль государственной бюрократии (Индийской гражданской службы – ИГС), которая активно влияла на социально-экономические процессы. Эта сила, слившаяся с имперской политической властью, полагает известный голландский социолог Я. Бремман, активно вторгалась в сферу экономических

отношений. Одновременно, развивая свою мысль автор, колониальные власти, озабоченные сохранением преемственности механизмов эксплуатации, всячески стремились законсервировать традиционные/«вертикальные» социальные связи с целью «подчинить население требованиям нового (капиталистического. – А.В.) способа производства» [Bremar, Mundle 1991, p. 127].

На индостанском субконтиненте под влиянием имперской политики началось становление гражданских отношений и гражданского общества *специфического/неклассического* типа. Постепенно формировалась личность, способная впоследствии стать базовой единицей политического процесса. Понятно, что новый индивид формировался в недрах доиндустриально-традиционной социальной структуры, постепенно выламываясь из нее. В ходе имперской модернизации происходило своеобразное раздвоение *новоколониальной* личности: индустриальные типы мотиваций и ориентаций органически уживались с принадлежностью и лояльностью *дополитическим* идентификациям – этническим, локальным, конфессиональным, кастовым и т.д.

У остальных, т.е. численно преобладающей человеческой общности, жизненная парадигма всецело определялась доиндустриальными, примитивно-коллективистскими моделями сознания и поведения. Поведенческую программу «остальных» определяли: замкнутость и стационарность внешних условий деятельности и общения, малоподвижность механизмов включения индивидов в более широкую систему общественных отношений на субконтиненте, стойкая герметичность межличностных контактов вне пределов непосредственных ареалов обитания и т.п. (Герметичность социальных отношений была прямым следствием системы простого воспроизводства, не

требующего общения за пределами узкого мира семейно-бытового существования.) Имперская политика, таким образом, сохранила *поляризованность* экономики и общества, деформировала процесс распространения гражданских отношений на обширном пространстве Индостана. Тем не менее в начале XX в. появилась своеобразная институциональная «паутина», покрывавшая ранее не тронутые политикой регионы и пласты человеческого «материала». Наконец, образование ИНК и его последующее превращение в «политическую машину», способную связать друг с другом различные социальные, этнические, конфессиональные, кастовые ниши композитного общества по вертикали и горизонтали, положило фактическое начало строительству институционально-партийного пространства политических отношений.

Однако положительный фон становления гражданских отношений не исчерпывал всей сложности эволюции Индостана, в которой начали отчетливо проявляться разнонаправленные тенденции. С одной стороны, идеи секуляризма и светской государственности подпитывали развитие *правовых* отношений между властью и личностью и тем самым стимулировали развитие институтов гражданского общества. С другой стороны, набравшее после окончания Первой мировой войны силу движение за суверенитет, подобно мощному потоку, вовлекало в общественно-политические процессы массовые слои населения, большая часть которого еще не подверглась влиянию социализации индустриально-буржуазного типа. Для этих групп индийцев секуляризм пока не стал символом консолидации общества вокруг идеи независимости. Поэтому некоторым политикам, делавшим акцент на феномене недостаточной дифференциации общественного сознания, более

эффективным инструментом завоевания суверенитета представлялся *ревай-вализм*, т.е. презумпция общности цивилизационного наследия, адаптации (но не реформации) религии к целям и задачам национального движения.

Действительно, апелляция к ценностным представлениям «своей» религии стала эффективным инструментом мобилизации масс на желательные для элит политические действия. Однако в условиях *поликонфессионального* социума притупление внутренних противоречий в религиозной общине трансформировалось в обострение межрелигиозных конфликтов, прежде всего между индусами и мусульманами. Надо признать, что принципы политического представительства, институционализированные британцами, привели к расколу формировавшегося гражданского общества по конфессиональным линиям и имели следствием появление на политической карте мира двух самостоятельных государств – Индии и Пакистана³.

Фактически во второй половине 1930-х гг. с введением в действие Закона об управлении Индией 1935 г. имперскими властями было создано *правовое государство* со всеми подобающими подобному образованию атрибутами. Это правовое государство стало одной из движущих сил соревновательного политического процесса. Этот институт принял на себя и функции *социальной инженерии*, смысл которой заключался в *осовременивании* наличной социальной структуры до уровня индустриально-буржуазного государства. Содержанием этого процесса было развитие гражданских отношений, одной из форм проявления которых стала

партийно-политическая система независимой Индии.

Социально-функциональное предназначение партийно-политической системы

Стало общим местом утверждение: партийно-политическая система выступает передаточным звеном, механизмом артикуляции интересов различных сил общества наверх, в институты государственной власти. «Демократия как образ жизни и система управления, – полагает английский автор Р. Осборн, – есть средство, с помощью которого современный индивид может сконструировать свою жизнь, наделить ее разумным содержанием. (...) Демократия – это коллективное предприятие непрерывного цикла, связывающее нас воедино и гарантирующее каждому индивидуальную жизненную программу» [Osborne 2011, p. 1]. Ясно, что чем выше уровень диверсификации и самосознания гражданского общества, тем эффективнее работает партийно-политическая система, реализующая важнейшую для социума функцию *обратной связи*, т.е. направленную от народа к власти.

Конечно, «крупнейшая демократия мира» не располагает столь продолжительным историческим опытом эволюции системы политического представительства, как бывшая метрополия – Великобритания. Недостаточность длительной «положительной инерции демократии» (в сознании невольно возникает риторическая фигура классика политической науки С.М. Липсета) предопределила особенности партийно-поли-

3 Политэкономической подосновой межконфессиональных противоречий была более успешная адаптация индусов в формировавшемся индустриально-капиталистическом хозяйстве. Так, на британских Имперских железных дорогах машинисты рекрутировались преимущественно из индусов, тогда как мусульманам была уготована тяжелая доля стрелочников.

тической системы Индии и выполняемых ею социальных и институциональных функций.

Принято считать, что индийские политические партии пока недостаточно дифференцированы со стороны социальной поддержки, четкости идеологических установок, внятности экономической программы. Стоит, однако, помнить: «эталонные» партии, определявшие стандарты политической деятельности на Западе в послевоенный период (вплоть до начала 1990-х гг.), канули в историческое небытие. Западные общества пока находятся в поиске новой, действенной идейной и партийно-политической парадигмы. И тем не менее именно Запад в его лучшие послевоенные десятилетия остается критерием отнесения партийно-политических систем композитных обществ к *развитым* либо *переходным*. Особенность Индии в том, что партийно-политическая система этой страны сочетает в себе характеристики как первого, так и второго типов. При анализе особенностей индийских партий порой непросто отделить их социальные функции от функционального предназначения.

Так, в работах, исследующих социально-политические процессы в Индии, было принято вычленять две базовые модели партий – *мобилизационную* и *организационную*. Сторонники мобилизационной концепции (к числу которых относятся такие мастера политического анализа, как Р. Котхари, Д.Л. Шетх, О.П. Гойял, К.Л. Камал, Р. Мейер и др.) полагали, что основная задача партий заключается в ликвидации отчуждения между периферийны-

ми группами населения (включая низшие касты, неприкасаемых, значительную часть мусульман и т.д.) и властвующей элитой. Реализация этой функции позволяет расширить социальное пространство политики и повышает маневренность политической системы в целом. Нелишне напомнить: демократизация индийской политики и партийной деятельности развивается по сложной траектории. «Низшие классы, – считает Е.С. Юрлова, – привнесли в политику свои собственные ценности, устремления, привычки, нравственные представления, в чем-то отличные от устоявшихся за годы независимости (т.е. формировавшихся высшими кастами, прежде всего брахманами. – А.В.) норм политического поведения» [Сарабьев 2017, с. 99]. Иначе говоря, реформативное политическое и партийное поведение, отражая перегруппировку классовых/кастовых сил в индийском обществе, вносит в поведение всей системы дополнительные элементы непредсказуемости и неопределенности.

Организационные модели партийно-политической системы (представленные именами таких маститых авторов, как М. Винер, М.Л. Гоэл, Д.Б. Розенталь, Х.К. Паранджапе и др.) имплицитно исходят из представления о партии как о *сознательной* силе политической социализации (воспитания), которая реализует свои функции в ходе избирательного процесса и повседневно-го поведения политиков со своим электоратом⁴. Однако столь четкое разграничение партий по их функциональному назначению, считает, например, Н. Прасад, возможно исключительно

4 Довольно долго электорат (по сути дела, низшие касты с их слабой *самоорганизацией*) воспринимался профессиональными политиками как своеобразные «статисты» в «театре», где заглавные роли принадлежат высоким и средним кастам. Однако регулярный избирательный процесс в конечном счете сделал свое дело: с начала 2000-х гг. манипулировать политическим поведением городской и – что особенно важно – сельской бедноты стало практически невозможно. Всякие политические решения неизбежно становятся результатом компромисса различных социально-классовых сил.

в лабораторных условиях, поскольку мобилизационный потенциал политических партий реализуется лишь тогда, когда сложились соответствующие организационные (т.е. институциональные) условия. Таким образом, индийский автор фиксирует наличие двух *последовательных* этапов деятельности политических партий: 1) политической социализации населения и 2) укрепления политической системы за счет реального включения массовых слоев ранее инертного народа (прежде всего низших каст) в политический процесс. Кроме того, резонно утверждает Н. Прасад, в Индии партии не достигли зрелых форм институционализации; в этой стране традиционные (т.е. доиндустриальные) ценности, ориентации, предпочтения сказываются на их идейных установках, а сам организационный механизм современной (либеральной) политики пока недостаточно диверсифицирован в структурно-функциональном отношении. В данных обстоятельствах рассуждать о теоретически завершенных моделях партий пока преждевременно [Prasad 1980, p. 4]. (Уместно отметить, что прогностические оценки Н. Прасада подтверждаются и современной индийской действительностью.)

Тем не менее сама логика избирательного процесса подталкивает Индию к созданию политических партий, словно пронизывающих общество по вертикали, вплоть до микроуровней (*grassroots*, как предпочитают выражаться политологи в этой стране). Партии такого рода необходимы прежде всего для ассимиляции политической системой периферийных групп населения, все более активно вливающих в современные (открытые) общественные процессы. Интеграционные тренды формируют стереотипы суверенной, *субъектной* политической культуры в массовых слоях населения и тем

самым обеспечивают воспроизводство политической системы на началах «демократического консенсуса» / социального компромисса. Политическая партия, как принято считать в Индии, обязана отвечать как минимум четырем критериям – *интеграции*, т.е. способности ввести в пространство политической системы ранее инертные социальные/кастовые группы; *амортизации*, т.е. умения снижать остроту противоречий в межпартийных отношениях; *стабилизации*, т.е. энергии к расширению пространственной опоры политической системы и предотвращению концентрации власти в отдельных сегментах общества, и *протекционизму*, т.е. навыкам структурировать политическое участие институтами и механизмами политического представительства [Prasad 1980, p. 289]. И эти процессы, несмотря на их сложную, нелинейную траекторию, сохраняют инерцию социального движения.

Вышеперечисленные подходы выстроены по эталонам институционального/структурно-функционального академического направления политических исследований. И в прошлом, и сейчас некоторые авторы пытаются исследовать сложную социально-политическую проблематику в категориях социальной стабильности и сохраняющегося равновесия внутри индийского общества. Между тем эта стабильность имеет динамический, подвижный, неустойчивый характер; все еще нередкие политические коллизии в конечном счете отражают *системный* кризис общества, обременяемый дисбалансами социально-экономического и *регионального* развития, имеющими к тому же *исторический* характер [Володин 2018]. Неуклонная политизация массовых слоев населения многократно увеличивает социально-экономическую нагрузку на политическую систему Индии. В этом случае провидчески-

ми выглядят слова известного индийского политолога Ч.П. Бхамбри, сказанные более 30 лет назад: истинный кризис политики и партий экономически доминирующих классов наступит тогда, «когда претенденты на власть явятся из иной (малоимущей и низкокастовой. – А.В.) среды... Политика приобретет новое качественное измерение, когда неимущие превратятся в организованную силу» [Bhambri 1980, p. 121]. Пока это время не наступило, однако с начала 2000-х гг. все четче просматривается тенденция к консолидации «низов», хотя на пути восходящего развития этого процесса по-прежнему стоит кастовая система, разъединяющая массовые слои населения, мешающая им консолидироваться в общенациональную партию, исповедующую идеологию популизма развития⁵.

Вполне в духе идеологии цивилизационного своеобразия Индии высказываются те авторы, кто выступает против излишнего рационализма (носителями которого, как уже давно повелось в Индии, выступают марксизм и либерализм), абсолютизации материальных аспектов и ценностей жизни, недооценки социальной роли этики и религии (в данном случае индуизма). Такого рода принципы активно внедряет в массовое сознание ныне правящая Бхаратия Джаната Парти (Индийская народная партия). Впрочем, традиционные ценности БДП сочетает с поддержкой частнокорпоративного сектора, добивающегося (и небезуспешно) модификации роли государства в своих интересах. Своеобразный политический и экономический манифест этих сил появился в преддверии парла-

ментских выборов 2014 г. [Debroj, Tellis, Trevor 2014].

Современная партийно-политическая система Индии внутренне противоречива; она отражает сложные процессы в базе и надстройке общества, не преодолевшего дуализм социально-экономической структуры и вместе с тем функционирующего в системе связей с промышленно развитыми странами. Сохранение существующей партийно-политической системы, таким образом, связано с избавлением общества от дисбалансов социально-экономического развития, некоторые из которых достались Индии в наследство от предшествовавших исторических эпох.

Политические партии Индии функционируют на пространстве, состоящем из 28 штатов и семи союзных территорий. С 1952 г. в стране состоялось 16 всеобщих парламентских выборов. Конфессиональная структура индийского общества предстает в следующем виде: 80% населения исповедуют индуизм; 13,4% – ислам; приверженцев христианства – 2,3%; сикхизма – 1,9%; буддизма – 0,8%; джайнизма – 0,4%. Важную роль в экономической жизни играет немногочисленная община парсов. Мусульмане составляют большинство населения только в штате Джамму и Кашмир. Соотношение городского и сельского населения – 28% против 72%. Количество индийцев, проживающих за чертой бедности, колеблется, по различным оценкам, от 26 до 37% общей численности населения [Sridharan 2012, p. 23].

Среди политических партий выделяются Индийский национальный конгресс (создан в 1885 г.), одна из старей-

5 В социологической литературе популизмом развития именуют идеологию и политэкономическую модель общества, в основе которой лежит желание правящих кругов расширить социальную основу существующей власти. Популизм развития – это политика, предполагающая преимущественное внимание к интересам среднего класса как общности (включая мелких предпринимателей в городе и деревне), в том числе «неорганизованный сектор» экономики; популизм развития нередко сопряжен с определенными ограничениями на деятельность крупного капитала.

ших партий в современном мире, и Бхартия Джаната Парти, в настоящее время управляющая страной. На всеобщих парламентских выборах 2014 г. БДП и ИНК получили в сумме чуть более половины голосов избирателей (БДП – 31%; ИНК – 19,31%), что является определенной проблемой для общенациональной легитимности партийно-политической системы. Иными словами, тренд к формированию *биполярной* партийно-политической системы, теоретически благоприятный для сложносоставного общества, если и материализуется, то в обозримой исторической перспективе. Можно согласиться с индийским автором Э. Сридхараном в том, что, с одной стороны, коалиционные правительства (с участием региональных и субрегиональных партий) в течение последних трех десятилетий осуществляют проект «углубления индийской демократии» за счет привлечения новых политических сил, представляющих широкое разнообразие социокультурных и экономических интересов; а с другой стороны, наблюдается попытка реванша со стороны высоких каст, стремящихся предотвратить действительное самовыражение некогда социально приниженных слоев индийского общества [Sridharan 2012, pp. 67–68].

Таким образом, партийно-политическая система Индии переживает период своеобразной перестройки. Избирательная система *относительного* большинства (голосование в один тур) пока позволяет удерживать политические институты в состоянии равновесия. Однако конфликты на периферии политической системы (в частности, в штате Джамму и Кашмир), видимо, потребуют квалифицированного воздействия федерального правительства на ситуацию в нескольких проблемных штатах, что неизбежно повлечет за собой усиление роли института премьер-министра (вне зависимости от партий-

ной принадлежности членов кабинета). Глава правительства (что становится все более заметно в последнее время) постепенно начинает принимать на себя некоторые функции по формированию принципов внешнеполитической стратегии и внешнеэкономической деятельности.

В условиях советско-американской биполярности, обеспечивавшей определенную устойчивость системы международных отношений, было принято считать внешнюю политику и внешнеэкономическую деятельность производными от внутренней расстановки основных социально-политических сил в стране. С распадом советско-американского «кондоминиума» (как называл диалектику взаимоотношений СССР и США в послевоенном мире Г. Киссинджер) действия государств во внешнем пространстве оказались под сильным воздействием новых факторов, включая «мегатренды» глобального развития.

Внешиполитическая и внешнеэкономическая деятельность Индии: новые тенденции

Индия с момента завоевания независимости неизменно придерживалась принципов суверенитета, автономии от противостоящих друг другу военно-политических блоков. Квинтэссенцией идеи «стратегической автономии» (как это явление принято называть в индийском политическом дискурсе в настоящее время) стало участие Индии в *движении неприсоединения*, одним из идейных вдохновителей и активных участников которого был первый премьер-министр страны (1947–1964) Джавахарлал Неру (1889–1964). Искусно балансируя между Западом и Востоком (т.е. блоками, во главе которых нахо-

дились США и СССР), Индия не только постепенно повышала свой статус в мировой политике, но и успешно решала внутренние задачи, стержневой основой которых была *экономическая независимость*, тогда как важными инструментами реализации этого стратегического замысла стали *планирование* (имевшее целью, в частности, ликвидацию дисбалансов социального и регионального развития), *индустриализация*, импортозамещение, аграрные преобразования и другие общенациональные проекты.

Советский Союз по идеологическим и геополитическим соображениям оказывал Индии значительную поддержку, которая в первой половине 1960-х гг. распространилась и на сферу военнотехнического сотрудничества. Советско-индийский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве от 9 августа 1971 г. стал основой укрепления двусторонних связей, фактором стабильности межгосударственных отношений в Азии, а также способствовал дальнейшему повышению геополитического статуса «крупнейшей демократии мира». В те же годы были подписаны важные соглашения: об учреждении Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству (1972), о сотрудничестве в области прикладных наук и техники (1972), о сотрудничестве между Госпланом СССР и Плановой комиссией Индии (1973). Подписан протокол о расширении сотрудничества между СССР и Индией (1975) и т.д. [Зайцев б/г].

Советско-индийские отношения развивались по восходящей траектории и в 1980-е гг. двусторонние связи были органично вписаны в концепцию «нового политического мышления», с которой выступило советское руководство во главе с М.С. Горбачевым. Однако самоликвидация СССР в конце 1991 г. внесла в отношения новой Рос-

сии и Индии, можно сказать, *концептуальные коррективы*.

Быстрый экономический рост (с неизбежной *геополитической* проекцией) «великого северного соседа» Китая, усиление позиций радикального политического ислама (как принято называть данное явление сейчас), внутренние противоречия модели экономического роста (повлекшие за собой «реформу Манмохана Сингха» 1991 г.) – эти и другие обстоятельства требовали от индийских правящих кругов оперативной реакции в виде модификации принципов внешней политики и внешнеэкономической деятельности.

Давно лелеемая частью «стратегических элит» ориентация на единственную сверхдержаву, с одной стороны, временно укрепила позиции Индии в отношениях с Пакистаном и Поднебесной; а с другой – постепенно начала складываться ситуация, при которой «индийские политические лидеры (...) демонстрируют нежелание занимать сильные позиции по вопросам глобальной политики...» Медлительность Индии в строительстве нового мирового порядка, полагают российские международники, вызвана также несформированностью «институциональной базы для идейного обеспечения более масштабной политики, для стратегического планирования» [Шаклеина, Байков 2014, с. 292].

Фактический отказ от «стратегической автономии» в международной жизни поставил внешнеполитический истеблишмент Индии в сложное положение. Упование на Америку как на гаранта безопасности страны обнаружило излишне романтический характер такого рода представлений, что было рельефно продемонстрировано поведением США в ходе «докламского противостояния» с Китаем летом 2017 г. Сама жизнь заставляет непредвзято, без иллюзий взглянуть и на международную поли-

тику, и на внешнеэкономические связи. Поднебесная, как признают эксперты, может стать крупнейшим инвестором в экономику Индии, активно нуждающимся и в обновлении инфраструктуры, и в осовременивании основных производственных фондов. Важную роль могут сыграть и обновленные индийско-российские связи, включая интенсификацию перекрестных инвестиционных потоков [Volodin 2017, pp. 120–135].

Стратегическая автономия во внешней политике предполагает высвобождение сознания общества из-под гнетущей власти исторических страхов и иных комплексов, сковывающих развитие мысли и мешающих становлению самостоятельных, постамериканских моделей восприятия окружающей действительности. Думается, Индия начинает этот нелегкий путь, который сулит серьезные испытания правящему классу, но и обещает стране добиться геоэкономических и геополитических целей, сформулированных на заре независимости.

Список литературы

- Бродель Ф. (1988) Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. М.: Прогресс.
- Володин А.Г. (2008) Политическая автономия демократии. М.: Гуманитарий.
- Володин А.Г. (2018) Индия: диспаритеты развития и геоэкономический потенциал // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 5. С. 97–109.
- Зайцев Е.М. (6/г) Советско-индийские отношения // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/133896/Советско>, дата обращения 06.06.2018.
- Красин Ю.А. (2010) Инфраструктура демократии // Полития. № 2(57). С. 189–193.
- Празаускас А.А. (1990) Этнос, политика и государство в современной Индии. М.: Наука.
- Сарабьев А.В. (ред.) (2017) Религия и общество на Востоке. Вып. I. М.: Институт востоковедения РАН.
- Шаклеина Т.А., Байков А.А. (ред.) (2014) Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник. М.: Аспект Пресс.
- Bhambri C.P. (1980) The Janata Party: A Profile, New Delhi: National.
- Breman J., Mundle S. (eds.) (1991) Rural Transformation in Asia, Delhi: Oxford University Press.
- Debroy B., Tellis A.J., Trevor R. (eds.) (2014) Getting India Back on Track. An Action Agenda for Reform, Gurgaon: Random House India.
- Kaviraj S., Khilani S. (eds.) (2001) Civil Society: History and Possibilities, Cambridge: Cambridge University Press.
- Osborne R. (2011) Of the People, By the People: A New History of Democracy, L.: The Bodley Head.
- Prasad N. (1980) Ideology and Organization in Indian Politics, New Delhi: Allied Publishers.
- Sridharan E. (ed.) (2012) Coalition Politics and Democratic Consolidation in Asia, New Delhi: Oxford University Press.
- Volodin A. (2017) The Geopolitics of Crisscrossing Russia–India Investments // World Affairs, vol. 21, no 3, pp. 120–135.
- Zakaria F. (2003) The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad, N.Y.: W.W. Norton.

National Peculiarities

The Formation of Civil Society and Party-Political system: the Experience of India

Andrey G. VOLODIN

DSc in History, Chief Research, Section for Political and Culturological Analysis, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: andreivolodine@gmail.com

CITATION: Volodin A.G. (2018) The Formation of Civil Society and Party-Political system: the Experience of India. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 137–151 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-137-151

ABSTRACT. *The article, India taken as a case study, is focused on civil society/party system interrelationship. Among origins of comparative advancement of India's party system are such historical constituents as: lasting existence of "centre- periphery" relations, ambivalent role of "pragmatic" British imperial rule in country's development, availability of proactive social forces susceptible to absorb overseas industrial culture as well as political democracy. In the ultimate analysis, these and other "motives" were instrumental in India's choice for representative institutions as most functional mode of governance. India's civil society and party system are examined from the "classic"/ west European political economy perspective.*

KEY WORDS: *civil society, party system, western Europe, India, polarized mode of development, British imperial rule, Indian National Congress, Bharatiya Janata Party, relative majority electoral system, political socialization, India's geopolitics and foreign economic relations*

References

- Bhambri C.P. (1980) *The Janata Party: A Profile*, New Delhi: National.
- Braudel F. (1988) *Igry obmena. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 2* [Games of Exchange. Material Civilization, Economy and Capitalism, XV– XVIII Centuries. Volume 2], Moscow: Progress Publishers.
- Breman J., Mundle S. (eds.) (1991) *Rural Transformation in Asia*, Delhi: Oxford University Press.
- Debroy B., Tellis A.J., Trevor R. (eds.) (2014) *Getting India Back on Track. An Action Agenda for Reform*, Gurgaon: Random House India.
- Kaviraj S., Khilani S. (eds.) (2001) *Civil Society: History and Possibilities*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Krasin Yu.A. (2010) Infrastruktura demokratii [Infrastructure of Democracy]. *Politiya*, no 2(57), pp. 189–193.
- Osborne R. (2011) *Of the People, By the People: A New History of Democracy*, L.: The Bodley Head.

Prasad N. (1980) *Ideology and Organization in Indian Politics*, New Delhi: Allied Publishers.

Prazauskas A.A. (1990) *Etnos, politika i gosudarstvo v sovremennoj Indii* [Ethnicity, Politics and State in Modern India], Moscow: Nauka.

Sarab'ev A.V. (ed.) (2017) *Religiya i obshchestvo na Vostoke. Vypusk I* [The Orient: Religion and Society. Volume I], Moscow: Institute of Oriental Studies.

Shakleina T.A., Bajkov A.A. (eds.) (2014) *Megatrendy: osnovnye traektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke: Uchebnik* [Megatrends: Pivotal Trajectories of the 21st Century's World Order], Moscow: Aspekt Press.

Sridharan E. (ed.) (2012) *Coalition Politics and Democratic Consolidation in Asia*, New Delhi: Oxford University Press.

Volodin A.G. (2008) *Politicheskaya ekonomiya demokratii* [Political Economy of Democracy], Moscow: Gumanitariy.

Volodin A. (2017) The Geopolitics of Crisscrossing Russia–India Investments. *World Affairs*, vol. 21, no 3, pp. 120–135.

Volodin A.G. (2018) Indiya: disparitety razvitiya i geoeconomicheskij potentsial [India: Development Disparities and Geoeconomic Potential]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodniye otnosheniya*, vol. 62, no 5, pp. 97-109.

Zajtsev E.M. (n/y) *Soviet-Indian Relations*. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/133896/Советско>, accessed 06.06.2018.

Zakaria F. (2003) *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*, N.Y.: W.W. Norton.